

Секция III. Славянские народы и их соседи в новейшее время.

К.и.н., н.с. Института славяноведения РАН П.В. Мошечков в докладе «Образование автономной Чешско-Словацкой армии во Франции (1916–1918 гг.)» основной акцент сделал на изучении документов Чешско-Словацкого национального совета в Париже, его Отделения для России и Генерального штаба чешско-словацких войск, отложившихся в фондах Военно-исторического архива г. Праги и материалов, хранящиеся в Архиве внешней политики Российской империи, Российском государственном военно-историческом архиве, а также опубликованные в первом томе сборника «Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус (1914–1920)». Проведенное исследование показало, что работа ЧНС, военного ведомства Французской Республики и высшего командования французской армии, направленная на создание первых чешско-словацких воинских формирований на территории страны, 22-го и 23-го чешско-словацких стрелковых полков, в ряде аспектов велась по тем же принципам, что и деятельность на данном направлении российских военных властей и чешских и словацких организаций в России.

К.и.н., с.н.с. Института научной информации по общественным наукам РАН Е.Н. Емельянова в выступлении «Советско-польская война 1920 г.: неудавшаяся попытка разрушения Версальской системы» на базе архивных документов и последних исследований российских историков рассмотрела борьбу различных политических сил в Европе по вопросу советско-польской войны, роль Коминтерна в событиях 1920 г., разногласия по тактическим вопросам в руководящих кругах Польши и большевистской партии, позиция европейской социал-демократии. Национальные интересы Советской России оказались для большевистского руководства важнее интернациональных задач. Поэтому утопическая идея «мировой революции» и разрушения Версальской системы после военных неудач 1920 г. была скорректирована, уступив место политике мирного сосуществования и стремлению добиться политического признания. Рижский мир 1921 г. стал компромиссом между великими державами и Польшей, с одной стороны, и Советской Россией, с другой.

К.и.н., н.с. кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ Д.В. Родин в сообщении «Лига наций и Петричский инцидент 1925 г.» пришел к выводу, что пограничный конфликт между греческими и болгарскими войсками у города Петрич стал одним из наиболее острых проявлений «македонского вопроса» в межвоенный период. В докладе рассмотрена роль Лиги наций и великих держав - членов Совета Лиги в урегулировании инцидента, а также влияние указанных событий на авторитет международной организации в глазах балканских народов.

Научный советник Института новейшей истории Сербии (Республика Сербия), профессор исторического отделения Философского факультета Белградского университета, д.и.н. А.Ю. Тимофеев представил доклад «Деятельность Роллана Аббиа в Белграде в 1933–1937 гг. по организации агентурной сети НКВД в Королевстве Югославии». На основании новых источников рассмотрена деятельность Р. Аббиа – ресторатора, разведчика и ликвидатора, в столице Королевства Югославии: открытие ресторана высокой кухни «Маленький Париж» для дипломатов, используемого как центр получения информации, контакты с Земгором, внедрение в среду эмигрантов. Влияние этой сети на формирование

молодежной группы вокруг читального зала Земгора с дальнейшей трансформацией в Союз Советских Патриотов.

Начальник отдела изучения и подготовки к публикации архивных документов Российского государственного архива новейшей истории; н.с. Института всеобщей истории РАН Т. А. Джалилов в выступлении «Пражская весна» и судьба экономической реформы в Чехословакии и Венгрии» пришел к выводам, что сворачивание экономических реформ в странах народной демократии в историографии традиционно связывают с тем, что напуганное событиями «пражской весны» советское руководство на долгие годы сняло с повестки дня любое обсуждение даже самой возможности проведения реформ как в этих странах, так и в СССР. Подлинная картина, как представляется докладчику, была сложнее. Начало «нормализации» в ЧССР действительно четко обозначило ту границу в развитии политической демократизации социалистического общества, выйти за которую советское руководство не могло позволить. Отсюда критика брежневским аппаратом того, что экономика должна расшатать узкие рамки планового хозяйства и привести к пересмотру основ политической системы. Однако это вовсе не означало, что в Москве отказывались видеть накопившиеся проблемы в экономиках стран народной демократии и блокировали любые попытки системного подхода к их разрешению. В этом отношении показательны то заинтересованное внимание, с которым в ЦК КПСС наблюдали за венгерской экономической реформой, пришедшейся как раз на 1968-1972 годы.

К.и.н., с.н.с. Института славяноведения РАН А.Б. Едемский представил сообщение на тему «Динамика исследования и перспективы дальнейшего изучения советско-югославского конфликта конца 1940-х – начала 1950-х гг.: узловые и спорные проблемы, “белые пятна”, новые источники и подходы». Автор остановился на лакунах в современной историографии. Несмотря на длительное предыдущее изучение этого конфликта, к настоящему времени остаются недостаточно изученными его предыстория (прежде всего события 1947 г.), отсутствует его бесспорная четкая общепринятая периодизация; по-прежнему сохраняется акцент на начальные его стадии и недостаточном освещении событий после так называемой второй резолюции Коминформа по «югославскому вопросу», а также встречаются различные суждения (даже у одних и тех же авторов) в отношении верхней хронологической границы конфликта. Помимо этого, до сих пор не нашли подтверждения периодически всплывающие, без опоры на источники, утверждения о подготовке Москвой интервенции против Югославии. Они по-прежнему граничат с желанием сенсационности и не подтверждаются убедительными источниками.

К.и.н., с.н.с. Института славяноведения РАН Б.С. Новосельцев в докладе «Югославия как лиминальное политическое пространство в международных отношениях в период холодной войны» отметил, что в 1950-1960-е гг. Югославия, в условиях периодических конфликтов с Советским Союзом, непросто складывавшегося сотрудничества с западными странами и проведения политики неприсоединения, превратилась в специфическое политическое пространство, «серую зону» в Европе, не относящуюся в полной мере ни к Глобальному Востоку, ни к Западу, но, по задумке руководства страны, тяготеющую к Глобальному Югу. Такое ее промежуточное положение рассмотрено в парадигме концепции лиминальности (от лат. *limen* – порог), что позволяет описать внешнеполитический курс Югославии как систему в процессе изменения ее важнейших идентификационных свойств.

С.н.с. Института славяноведения РАН А.С. Аникеев выступил на тему «Внешняя политика Югославии в 1950–1960-е гг. в работах сербских историков» и проанализировал труды сербских историков конца XX - начала XXI века Д. Богитича, М. Милкича, Л. Димича, А. Животича, Д. Трипковича, в работах которых, лишь недавно ставших доступными для исследователей, внешняя политика СФРЮ рассматривается в контексте становления и развития политики неприсоединения.

К.и.н., доцент кафедры теории и истории международных отношений факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета Е.А. Колосков в сообщении «Рассадники ирредентизма»: албанские институты исторической политики в послевоенной Македонии и Косово (1944–1991 гг.)» отметил, что формирование институтов исторической памяти албанцев на территории Югославии в послевоенный период прошло несколько стадий и являлось отражением сложного и противоречивого процесса связанного, как с внутривосточной борьбой в стране, с подозрением относящимся к не-славянскому населению, в целом, и к албанцам, в особенности, так и с происходившими на Балканах изменениями, связанными с международными процессами - в первую очередь - с Холодной войной и ее отражением в регионе. Процесс создания институтов, на исходе югославской истории закреплённых в качестве «рассадников ирредентизма и национализма», был не линейен, сложен и противоречив, имел своих сторонников и противников. Понимание процессов, происходящих в Косово в 1990-е гг. и в Македонии в 2001 г., не может быть в полной мере достигнуто без рассмотрения албанского исторического дискурса, сформированного в рамках югославской федерации.

Ph.D. in Sociology, доцент Антропологического Тюменского государственного университета М.Ю. Ломоносов в докладе междисциплинарного характера «Тоска по Отчизне или одержимость политической жизнью? Диаспоральные этно-исторические мифы и распространение национализма в Албании (в XIX – первой половине XX в.)» опирался на опубликованные биографии, мемуары и произведения десятков эмигрантов, архивные свидетельства и методы сравнительно-исторической социологии. Албанский и другие вспомогательные кейсы (Сербия, Филиппины) показывают, что в XIX – начале XX вв. диаспоры и общины экспатриантов служили важными каналами распространения «культурного артефакта» (модели) национального сообщества и государства в полупериферийные и периферийные страны мир-системы. Было подчеркнуто особое значение диаспоральной исторической мысли и этно-исторического мифотворчества в национальном и государственном строительстве.

Доклад к.и.н., с.н.с. Института славяноведения РАН Н.С. Пилько «Расстановка политических сил в Социалистической Республике Словения накануне провозглашения независимости» был посвящен формированию политических партий в Словении накануне провозглашения независимости. Рассматривался процесс идеологической трансформации словенских коммунистов, образование Словенского демократического союза, роль Милана Кучана в создании новой идеологии, раскол в Союзе коммунистов Словении (СКС) и позиция Франце Попита. Особое внимание было уделено XI конгрессу СКС, который прошел под лозунгом «Европа сейчас!». Докладчиком было рассмотрено создание Словенского крестьянского союза и деятельность Ивана Омана; Словенского

демократического союза и его лидера Димитрия Рупела, а также Социал-демократического союза Словении и его председателя Франце Томшича. Прослеживается процесс создания первой словенской коалиции ДЕМОС.

В сообщении аспирантки кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО МИД России П.Е. Смирновой «Агентство ТИКА как проводник политики неоосманизма в Западных Балканах» освещается деятельность Турецкого агентства по сотрудничеству и координации в регионе Западных Балкан в рамках концепции неоосманизма. Распад Югославии стимулировал усиление политики мягкой силы Турции в том числе посредством деятельности Агентства, которое реализовывает огромное количество проектов в странах Западных Балкан. Выработанные стратегии и механизмы для продвижения образования, науки и культуры, экономического сотрудничества позволяют делать это довольно эффективно, способствуя укреплению имиджа Турции в регионе. Однако не смотря на достигнутые положительные результаты сотрудничества в рамках организации, Турции еще предстоит выработать подходящую стратегию для решения сохраняющихся узлов противоречий. Докладчица сделала вывод о значимости региона и перспективах дальнейшего развития сотрудничества посредством деятельности Агентства.